

Случайный гость с державным скипетром

К семи часам вечера того же дня, 25 декабря 1761 года, во дворец съехались сенаторы, члены Синода, генералитет и прочие знатные чины. К этому времени перед дворцом выстроились лейб-гвардия и полки армии со знаменами.

Новый император Петр III с супругой Екатериной Алексеевной отправился в придворную церковь. Здесь статский советник Дмитрий Волков громогласно зачитал Манифест о провозглашении наследником престола Петра III. После того как архиепископ Новгородский Дмитрий Сеченов произнес слово о новом императоре, Волков прочитал присягу Петру III. Далее следовали молебен и целование всеми присутствующими руки их императорских величеств, и тем церемония в церкви закончилась.

Было уже совсем темно, когда Петр III вышел из дворца, чтобы показаться войскам, принесшим ему присягу. Новый император сел на лошадь и, освещаемый факелами, объехал стоявшие полки. Играла музыка, били барабаны, преклонялись знамена, солдаты и толпившийся за их рядами народ громкими возгласами приветствовали внука Петра Великого.

– Слава богу! – говорили гвардейцы. – Наконец-то у нас, после стольких женщин, управлявших Россией, опять мужчина император!

Первый день своего царствования Петр Федорович по старинной традиции завершил пиром: тридцать три «кавалера» и сорок одна «знатнейшая дамская персона» сели с новым самодержцем в галерее дворца ужинать и встали из-за стола лишь во втором часу ночи.

«Случайный гость русского престола, он мелькнул падучей звездой на русском политическом небосклоне, оставив всех в недоумении, зачем он на нем появился» – так писал В. О. Ключевский о кратком шестимесячном царствовании Петра III. Необходимо подчеркнуть, что до сих пор этот период середины XVIII столетия – одна из загадок в русской истории.

Действительно, личность Петра Федоровича – внука Петра Великого, супруга Екатерины II – весьма сложная, противоречивая и главное – до конца объективно не исследованная. Видимо, разгадке в решающей степени мешает тот приговор, который был вынесен отечественными и зарубежными историками в отношении Петра III. Традиционно он изображается в негативном плане, очень ограниченным человеком с целым рядом отрицательных черт характера. Однако пристальное изучение биографии мужа Екатерины II показывает, что во имя истины следует говорить не только о его отрицательных чертах (как человека и как императора), но и о положительных, о которых мы узнаем из первоисточников.

Напомним характерное высказывание о Петре III С. М. Соловьева: «Большинство встретило мрачно новое царствование: знали характер нового государя и не ждали ничего хорошего». Основания для такого пессимизма были и вскоре подтвердились: ярый поклонник военной системы прусского короля Фридриха II, вопреки национальным интересам России, Петр Федорович в 1762 году прекратил военные действия против Пруссии в Семилетней войне. Русская армия, покрывшая себя славой и пролившая на полях Пруссии много крови, возмутилась, увидев, что все усилия были напрасны. «Чтобы переполнить чашу русского огорчения и довести всенародный ропот до открытого взрыва, – писал В. О. Ключевский, – император заключил мир (24 апреля 1761 года) с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами».

Действительно, положение Фридриха II в конце 1761 года стало отчаянным: его шестилетняя борьба с многочисленными врагами, казалось, привела к окончательной гибели. Однако судьба решила иначе...

С провозглашением Петра III императором русские из противников Пруссии делаются ее союзниками, между Берлином и Петербургом завязывается длительная переписка, с той и другой стороны освобождаются военнопленные. Русский корпус получает приказ стать

под прусские знамена. 6 февраля 1762 года Фридрих II писал русскому императору: «Государь мой, брат! Поздравляю Ваше Величество с восшествием на престол. Я могу вас уверить, что из всех полученных вами поздравлений, нет ни одного более искреннего поздравления; никто более меня не пожелает вашему величеству — благоденствия и восстановления между двумя государствами хороших отношений, которыя, к несчастью, враги мои из иноземных выгод интригами нарушили; одним словом, ваше императорское величество найдете меня в наилучшем расположении, какое возможно только желать в отношении к вам; продлите только, прошу вас, безценную ко мне дружбу вашего величества. Примите уверение в высоком уважении, с которым есть, Государь мой, брат, вашего императорского величества вернейший и добрый брат Фридрих».

Убийственную характеристику Петру III дала участница его свержения Екатерина Дашкова. «Поутру быть капралом на вахт-параде, — отмечала она, — затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважения». Здесь явно просматривается личная неприязнь княгини к императору, а она, разумеется, не может быть союзницей для справедливой оценки. В связи с этим подчеркнем, что ближайшая соратница Екатерины II ничего не сказала о тех распоряжениях, которые Петр III успел осуществить.

Известно, что большое впечатление в России произвел его Манифест от 18 февраля 1762 года о пожаловании «всему российскому благородному дворянству вольности и свободы». Впервые дворянство получило право — служить или не служить, которое было привилегией высшего сословия по отношению к другим сословиям, обязанным нести повинности государству. В данном случае Петр III претворил в жизнь заветную мечту дворян — освободиться от пожизненной обязательной службы, введенной Петром I. Заметим, что императрица Анна Иоанновна ограничила срок дворянской службы двадцатью пятью годами. И теперь внук преобразователя окончательно освободил дворянство от государственной повинности.

Одним из первых рескриптов Петра III была ликвидирована ненавистная всеми Тайная розыскных дел канцелярия. Известный публицист и историк М. Семевский подчеркнул, что «Манифест об уничтожении Тайной канцелярии был принят всей Россией с восторгом и умилением». Внук великого реформатора отменил пытки.

Многочисленные материалы свидетельствуют, что активная деятельность за сто восемьдесят шесть дней царствования на русском престоле раскрыла и отрицательные и положительные стороны характера Петра III, противоречивость его натуры. Гневные вспышки, непоследовательность в принятии решений, отсутствие политической гибкости, неспособность к компромиссам в государственных делах — все это соседствовало с неукротимой жаждой работы, добротой и доверчивостью.

Несомненный интерес представляют штрихи к портрету Петра III, сделанные М. Семевским. По мнению историка, Петр Федорович, вступивший на трон на тридцать четвертом году жизни, был «человек в полном цвете сил и здоровья, живой, необыкновенно подвижный и обуреваемый необыкновенною жаждою деятельности. Петр всюду хотел быть, все видеть, многое предпринять, многое из того, что видел и о чем слышал, переделать».

В связи с этим обратим внимание на распорядок дня внука первого российского императора.

Как только куранты Петропавловского собора пробивали семь часов утра, Петр III вставал и с обычной для его натуры живостью одевался. Костюм его был весьма примечателен, он обыкновенно надевал сапоги или башмаки с заостренными носками, камзол и брюки соломенно-желтого цвета и короткий прусской формы кафтан зеленого сукна. Воротник и обшлага на кафтане красные, кафтан обшит толстым галуном. Таким был

тогдашний гвардейский мундир. Прусский орден, присланный Фридрихом II, служил постоянным украшением мундира Петра Федоровича.

Не всегда, впрочем, он бывал в полном гвардейском мундире: нередко Петр одевался в простой зеленый вицмундир гвардии. Однако описанный выше костюм он любил.

Волосы императора были собраны в две большие пучки и сильно напудрены, усов и бакенбардов он не носил, а выразительные карие глаза оживляли его моложавую, добродушную и весьма подвижную физиономию.

При одевании он балагурил со своими генералами и флигель-адъютантами, отдавал им приказания, выпивал чашку кофе и выкуривал трубку табака. Тут ему передавали последние новости. К нему один за другим являлись: тайный секретарь его – Дмитрий Волков, генерал-прокурор Сената Александр Глебов, президенты разных коллегий и прочие чины, имевшие доклад. Первое время докладов было очень много, так как император хотел все знать, входил во все дела. В первые же дни его правления была упразднена Конференция, стоявшая при Елизавете Петровне во главе руководства внутренней и внешней политикой, и ее дела распределили между коллегиями и Сенатом. Сразу же государственные мероприятия стали выполняться лучше.

Иногда утром в кабинет Петра III приходила Екатерина. В одиннадцать часов доклады кончались, и Петр со своим окружением спешил на дворцовую площадь, где каждый день его ждал развод от какого-нибудь гвардейского полка. Все чины и солдаты уже были одеты в новую форму прусского образца. Когда Петр Федорович выходил к разводу, он брал перчатки и трость, надевал португезию с длинной шпагой, поясной шарф, большой гвардейский знак, шляпу прусского образца, обшитую широким галуном, с пером и маленькой кокардой из белого конского волоса. Император не забывал также взять с собой в карман записную табличку, какие по его приказу должны были носить гвардейские офицеры.

Кончался развод, и Петр III отправлялся в Сенат, заезжал в Синод, где со времени Петра Великого ни разу не была ни одна из властительниц России, посещал коллегии, появлялся в Адмиралтействе, был на монетном дворе, осматривал фабрики, распорядился уже несколько лет продолжавшейся постройкой Зимнего дворца. Старики, глядя на молодого императора, невольно вспоминали его деда. Эти посещения не были бесплодными.

После объездов и занятий в разных учреждениях государь в два или три часа садился обедать. За царским столом обыкновенно было большое и шумное общество: присутствовало от десяти до тридцати, а в торжественные дни до ста дам и мужчин. Вино и пунш оживляли компанию. Между прочим, здесь, за столом, можно было встретить высших сановников, возвращенных Петром III из ссылки: Лестока, сохранившего по-прежнему свою неистощимую веселость и любившего по-прежнему побалагурить; знаменитого Миниха, герцога Бирона, о которых у нас уже шла речь. Однако Екатерина весьма редко присутствовала на этих обедах.

После обеда молодой император немного отдыхал. Затем отправлялся играть в бильярд, иногда в карты, в шахматы.

Высшее общество вновь сходилось за вечерним царским столом, просиживая обычно до часу ночи, а иногда и до трех.

Выезды императора в гости чаще всего были вечерами, в ряде случаев вместе с Екатериной, но домой Петр Федорович возвращался всегда после нее, нередко в пять часов утра.

А вот мнение о Петре III человека, который с ним непосредственно общался, – генерал-фельдмаршала графа Миниха, бывшего государственного узника.

В своих «Записках» он писал: «Этот государь был от природы пылок, деятелен, быстр, неутомим, гневен, вспыльчив и неукротим.

Он очень любил все военное и не носил другого платья, кроме мундира. Он с каким-то энтузиазмом подражал королю прусскому, как в отношении своей внешности, так и в

отношении всего, касавшегося войска. Он был полковником прусского пехотного полка, что казалось вовсе не соответственным его сану, и носил прусский мундир; точно так же и король прусский был полковником второго московского пехотного полка. Император некоторое время не надевал вовсе ордена Св. Андрея, а носил прусский орден Черного Орла».

Миних сообщает нам еще одну любопытную деталь. «Неизвестно, каковы были религиозные убеждения императора, но все видели, что во время богослужения он был крайне невнимателен и подавал повод к соблазну, беспрестанно переходя с одной стороны церкви на другую, чтобы болтать с дамами».

С первых недель своего царствования Петр III начал укреплять порядок и дисциплину в армии и в правительственных учреждениях. Крайне отрицательным было у него отношение к привилегированной дворцовой гвардии. Как известно, с момента смерти преобразователя лейб-гвардия решала судьбу русского престола. Это обстоятельство Петр III понимал и, будучи еще великим князем, называл гвардейцев янычарами. «Гвардейцы только блокируют резиденцию, – говорил он, – не способны ни к какому труду, ни к военным экзерцициям, а всегда опасны для правительства». И это было действительно так. Елизавета Петровна, посаженная гвардейцами на престол, благоволила к гвардии, ибо полностью зависела от нее. Поэтому дисциплина там совершенно пала, а гвардейское офицерство отличалось необыкновенной распущенностью. Особыми привилегиями пользовалась та гренадерская рота, с которой Елизавета совершала государственный переворот, арестовав Брауншвейгское семейство.

Естественно, что Петр III сразу же лишил преимуществ гвардию и стал самым решительным образом бороться против ее распущенности. Он упразднил лейб-гвардию, а остальные гвардейские полки передел в короткие мундиры прусского образца и ввел строжайшую дисциплину. Началась изнуряющая солдат и офицеров шагистика, бессмысленная муштра.

Среди офицеров возник глухой ропот недовольства: в новых порядках императора они почувствовали для себя угрозу. Гвардейцы, полагая, что Петр III ликвидирует их как род войск, начали говорить о том, что следует повторить успех только что распущенной лейб-роты, на сей раз в пользу супруги императора – Екатерины Алексеевны.

Отечественные и иностранные современники отмечали, что новый император Петр III был человек добрый и откровенный, но ограниченный, с дурными привычками, слабым и капризным характером. Вступив на престол, он горячо принялся за реформы и проявил в них, наряду с желанием народного блага, совершенное отсутствие политического такта. Если толпы ссыльных, возвращенных из Сибири, уничтожение ненавистной народом Тайной канцелярии розыскных дел, права вольности дворянству свидетельствовали о его благих намерениях, то зато прочие его меры произвели сильное неудовольствие в тех сословиях общества, к которым относились. Духовенство, например, оскорблялось намерением императора отобрать в казну монастырские имения и явным неуважением его к обрядам греко-российской церкви. Последнее обстоятельство послужило в руках духовенства привычным орудием для того, чтобы волновать умы простого народа. Гвардия роптала на предпочтение, оказываемое государем немцам, на введение нового обмундирования по ненавистному тогда прусскому образцу, на излишне строгую дисциплину и утомительные экзерциции. В. О. Ключевский заметил, что «сам Петр мало заботился о своем положении и скорее успел вызвать своим образом действий единодушный ропот в обществе. Он как будто нарочно старался вооружить против себя все классы и прежде всего духовенство». Об отношении русского общества к царствованию Петра III у С. М. Соловьева находим следующее: «У русских людей сердце обливалось кровью от стыда пред иностранными министрами. Эти иностранные министры в донесениях своим дворам оставили единогласные свидетельства о неприличии пирушек Петра III, возбуждавших сильное неудовольствие в народе». Об этом неудовольствии приведем слова того же очевидца: «Ропот на государя и негодование ко всем деяниям и

поступкам его, которые чем далее, тем становились хуже, не только во всех знатных с часу на час увеличивалось, но начинало делаться уже почти и всенародным».

Когда императору Петру III прусский король Фридрих II советовал быть осторожным и бдительным, русский царь уверял того, что нечего беспокоиться, что солдаты называют его «отцом» и говорят, что предпочитают правление мужчины правлению женщины. Петр Федорович, в частности, писал Фридриху I: «Я один пешком гуляю по улицам Петербурга, если бы кто-нибудь хотел мне причинить зло, то давно мог бы исполнить свой замысел».

Последующие события показали, что Петр III очень ошибался и поплатился за это собственной жизнью.